

Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора

© 2024

Роман Витальевич Ронько

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
romanronko@gmail.com

Арсений Денисович Анисимов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; a.anisimov@hse.ru

Екатерина Алексеевна Заливина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; zalivina01@mail.ru

София Александровна Землянская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; sofizem.4@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается сохранность диалектной лексики, собранной в рамках Программы сбора сведений для Диалектологического атласа русского языка в говоре одного куста деревень Западновинского района Тверской области. Наличие диалектных лексем в соседних деревнях проверяется по Базе данных Диалектологического атласа русского языка. Для синхронной оценки сохранности исследуемых лексем представлена и разработана специальная шкала витальности. По материалам, представленным в статье, можно сделать вывод об относительной устойчивости диалектной лексики в изучаемом говоре.

Ключевые слова: диалектология, диахрония, лексика, лингвистический атлас, севернорусские диалекты, языковая витальность

Благодарности: Авторы от всей души благодарят О. Е. Кармакову и И. А. Букринскую за ценные рекомендации, полученные в процессе написания статьи, всех участников диалектологического кружка НИУ ВШЭ, а также анонимных рецензентов.

Для цитирования: Ронько Р. В., Анисимов А. Д., Заливина Е. А., Землянская С. А. Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора. *Вопросы языкознания*, 2024, 4: 27–44.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.27-44

Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect

Roman V. Ron'ko

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; romanronko@gmail.com

Arseniy D. Anisimov

HSE University, Moscow, Russia; a.anisimov@hse.ru

Ekaterina A. Zalivina

HSE University, Moscow, Russia; zalivina01@mail.ru

Sofia A. Zemlyanskaya

HSE University, Moscow, Russia; sofizem.4@gmail.com

Abstract: The paper examines the sustainability of dialect vocabulary in the variety spoken in a set of villages of the Zapadnodvinsk district of the Tver region. The data were collected within the framework of the Data Collection Program for the Dialectal Atlas of the Russian language. The presence of dialectal lexemes in neighboring villages is cross-checked using the Database of the Dialectal Atlas of the Russian Language. The paper offers a sustainability scale of lexemes that is a measure of the degree of their sustainability across dialects. Based on the data discussed in the paper the conclusion is drawn that the dialect vocabulary in the dialects explored in the paper is relatively stable.

Keywords: atlas, diachrony, dialectology, language vitality, lexicon, North Russian

For citation: Ron'ko R. V., Anisimov A. D., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A. Lexical change in Russian dialects: The case of one Pskov dialect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 4: 27–44.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.4.27-44

Введение

Работа посвящена изучению лексического строя одного псковского говора в деревнях Макеево, Шетнево и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. В нашем распоряжении есть данные двух временных срезов: сведения, собранные по Программе (далее Программа [Аванесов (ред.) 1947]) сбора материалов для Дialeктологического атласа русского языка [ДАРЯ, I–IV] в Западнодвинском р-не в 1952 г. и полевые материалы, полученные в экспедициях в 2021–2023 гг. Основная цель работы — детально описать процесс сохранения и утраты лексем, попавших в Программу сбора материалов для ДАРЯ. Исследование можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, это собственно исследование лексики: работа содержит дескриптивную часть, получен список лексем, которые были зафиксированы в говоре. Во-вторых, это социолингвистическое и микродиакроническое исследование: мы представляем модель утраты разных лексем, анализируем сохранность их в речи разных информантов и оцениваем разные лексемы по шкале витальности, которая будет описана ниже. Предполагаем, что нашу методику так или иначе можно применить для анализа всех говоров, для которых имеются данные ДАРЯ, то есть почти для всех говоров Европейской части России.

Основой исследования служит попытка авторов повторить сбор материала по лексической части программы сбора материалов для ДАРЯ с рядом важных модификаций (подробнее в разделе 1). В программе ДАРЯ содержатся лексемы, которые являются дифференциальными признаками для разных групп говоров¹. Многие из этих лексем конкурируют с лексемами литературного языка, которым владеют наши информанты. Эта конкуренция является одной из причин утраты диалектных явлений: литературный язык, обладающий значительным языковым престижем, вытесняет менее престижный диалектный язык. Второй очевидной причиной является утрата некоторых реалий деревенской жизни. Такое орудие труда, как *цеп*, давно не используется в современном сельском хозяйстве и заменено более технологичными средствами (комбайнами и молотилками). Диалектная лексема *привязь* ‘цеп’ теперь не имеет референтов в мире носителей исследуемого говора, только старшее поколение информантов использовало упомянутые предметы и называло их подобным образом. Важной особенностью нашего исследования является использование

¹ Принципы составления программы отражены в [Орлова (ред.) 1960].

электронной Базы данных ДАРЯ [БД ДАРЯ], в которой содержатся ответы на вопросы по Программе для 4196 населенных пунктов. БД ДАРЯ является продолжением начатого в конце 1980-х гг. проекта отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН под руководством Н. Н. Пшеничновой и О. Н. Долгова по цифровизации архива диалектологического атласа, хранящегося в Институте русского языка РАН им. В. В. Виноградова. В настоящее время проект доведен до конца. В нашем исследовании мы используем данные точно, однако материал находится в открытом доступе, прост в использовании и может служить базой для масштабных исследований.

Изучаемый говор относится к псковским среднерусским акающим говорам по диалектному членению К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [Захарова, Орлова 1970] и к говорам Западнорусского диалектного типа (разнородным говорам четвертого ранга P2PP), согласно классификации Н. Н. Пшеничновой [2008]. Говор находится рядом с границей смоленских говоров и имеет ряд смоленских грамматических черт [Ронько и др. 2023]. Диалектная классификация Н. Н. Пшеничновой основана на диалектометрическом подходе, который реализован на материале, собранном по Программе, на части этих же данных базируется наша работа. Надо отметить, что переходность этих говоров хорошо видна на картах, построенных И. А. Марченко методом мультимодального шкалирования [Marchenko 2023]. Подробное описание грамматики говора содержится в работе [Ронько и др. 2023], образцы говора представлены в звучащем корпусе [Ронько и др. 2021–2023]. Лексика Псковских говоров широко представлена в [ПОС], где, в частности, приведена лексика говоров Торопецкого р-на, граничащего с Западнодвинским р-ном Тверской области.

Социолингвистические исследования по оценке сохранности тех или иных черт русских говоров активно проводятся в последние годы. Так, в статье [Daniel et al. 2019] рассматривается динамика утраты целого комплекса грамматических черт говора бассейна реки Устья (Вологодские говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970]). В работе Е. А. Заливиной [2023] дан анализ сохранности диалектных окончаний глаголов 3 л. в говорах к северу от Опочки (Псковские говоры по классификации [Захарова, Орлова 1970]). В очерке говора, которому посвящено исследование [Ронько и др. 2023], приводятся социолингвистические сведения о ряде грамматических черт, по которым можно судить о сохранности диалектной грамматики. Социолингвистические подходы к описанию состояния диалектных черт широко известны. Здесь принято отмечать работы Уильяма Лабова [Labov 1963; 1965; 2011] и Питера Трудгила [Trudgill 1986], посвященные фонетическим изменениям в американских и британских диалектах английского языка с использованием количественных методов, детальным описанием социальных параметров, с которыми связана языковая вариативность, и тенденций, которые сопутствуют конкуренции двух разных диалектных систем. Коллективу авторов не известны работы, последовательно сравнивающие современное состояние лексем из списка Программы сбора материалов для ДАРЯ с их состоянием времен сбора данных для диалектологического атласа (1950-е гг.). Однако есть приближенные к этому исследования, здесь стоит отметить цикл работ И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и некоторых других исследователей [Букринская, Кармакова 2012; 2017; 2018; 2021; 2022; Букринская и др. 2011; Дьяченко и др. 2014; 2015]. В упомянутых работах для говоров на территории обследования ДАРЯ проводился сбор лексического материала по Программе. В некоторых из исследований авторы дают оценку сохранности лексики говора, приводят контексты со списком лексем, однако эти работы не содержат социолингвистического компонента. Для нас наиболее интересными являются статьи [Букринская, Кармакова 2021; 2022], в которых изучается лексика Селигеро-Торжковского говора села Лужниково, по лексическому составу близкая диалекту, изучаемому в нашей работе.

Статья построена следующим образом: в разделе 1 мы описываем данные и методы, в разделе 2 проводим сравнение лексического состава говора с данными ДАРЯ, в разделе 3 содержится синхронный анализ динамики утраты диалектных лексем у разных групп информантов, далее приводится Заключение. После Заключения дано Приложение, которое

содержит диалектные лексемы со значениями, проиллюстрированными корпусным материалом [Ронько и др. 2021–2023].

1. Данные и методы

Основным методом исследования стал устный опрос по Программе ДАРЯ, которая содержит 153 вопроса по лексике. Для исследования были отобраны 84 вопроса Программы. Основными параметрами отбора вопросов стали наличие карт ДАРЯ и наличие данных по ближайшим населенным пунктам. В работе содержатся данные, полученные от 11 информантов, однако, к сожалению, не по всем лексемам получены разъяснения от каждого из них. В БД ДАРЯ содержатся сведения об исследуемой лексике в дд. Осташково, Поляки, Тарасиха и Семёновское Западнодвинского р-на Тверской обл., собранные в 1952 г. Жители этих деревень были носителями почти идентичного говора. Деревня Осташково, которая в настоящее время не сохранилась, находилась в километре от западного края д. Шетнево и входила в изучаемый куст деревень. Остальные деревни располагаются в радиусе 20 километров от д. Макеево. На карте (рис. 1) разным цветом отмечены деревни, исследованные нашей группой, и деревни, исследованные в рамках сбора материалов ДАРЯ в 1952–1953 гг.

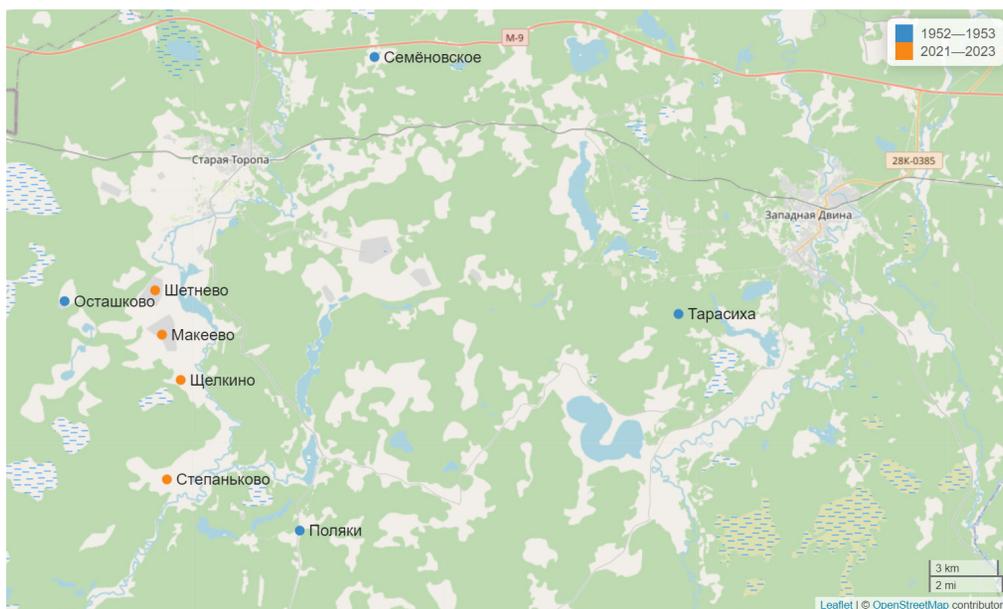

Рис. 1². Район исследования

На первом этапе исследования мы сравниваем списки полученных лексем из двух временных срезов и анализируем, какие из диалектных лексем утрачены.

Для оценки сохранности мы использовали шкалу витальности, которая состоит из четырех стадий. Интервью с информантами строилось следующим образом.

² Карта сделана с помощью пакета R “Lingtypology: Easy mapping for Linguistic Typology” [Moroz 2017].

А. Словоформа искомой лексемы получена в результате разговора на заданную тему. Так, с целью получить слово *жбанок* 'посуда для хранения молока', интервьюер начинал разговор на широкую тему «домашняя утварь», стараясь избегать прямых вопросов, например: «Как у вас называется посуда для хранения молока?». Тексты на «заданные темы» содержатся в том числе в корпусе говоров дд. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2021–2023], некоторые примеры, приведенные в статье, также содержатся в данном корпусе.

Б. Словоформа искомой лексемы получена в ответе на прямой вопрос: «А в какой посуде раньше хранили молоко?».

В. В том случае, если ответ на вопрос не получен, интервьюер произносит слово сам. Информант либо вспоминает его, тогда мы предполагаем, что оно есть у информанта в пассивном запасе, либо не узнает, тогда мы считаем, что слово отсутствует в идиолекте информанта. Таким образом, шкала витальности выглядит следующим образом:

1. Устойчивая лексика. Информанты употребляют ее без специального вопроса.
2. Информанты употребляют нужное слово при ответе на специальный вопрос (пассивный запас 1).
3. Информанты узнают лексему, после того как интервьюер ее произнес (пассивный запас 2).
4. Информанты не узнают лексему, после того как интервьюер ее произнес (исчезнувшая лексика).

В работе присутствует ряд очевидных сложностей и ограничений³: так, на прямой вопрос: «Как называется самец курицы?», — интервьюер скорее всего в качестве ответа получит стандартную лексему *петух*, а не диалектную *петун* [п'агун] (это, разумеется, только в том случае, если интервьюер в принципе получит ответ на подобный вопрос от носителя русского языка). На вопрос «Как в вашей деревне называется петух?» или «Как в вашей деревне раньше назывался петух?» информант либо пытается активизировать свою память и, возможно, употребить слово, которое содержится у него в пассивном запасе, либо подвергается лексическому праймингу. Таким образом, существуют лексемы, которые если не попадают по шкале витальности в стадию 1 (употребляются без специального вопроса), то сразу минуя стадию 2 и либо попадают в пассивный запас (пассивный запас 2), либо просто не содержатся в идиолекте информанта. Кроме того, существуют лексемы, которые при работе с информантом можно получить только с помощью прямого вопроса. Так, например, подзывные слова для животных ни разу не встретились в потоке речи. Вероятно, чтобы зафиксировать подобные слова в речи, следует находиться рядом с деревенским жителем во время работы с животными. К сожалению, авторам работы не удалось оказаться в подобной ситуации, с одной стороны, из-за принципов ведения записи и, с другой стороны, из-за состояния сельского хозяйства в изучаемых деревнях. Похожие проблемы возникают с лексемами, которые обозначают разные части орудий труда: чтобы получить нужные слова, нужно задавать специальные вопросы, например: «Из каких частей состоит коса?» или «Как называется острая часть косы?». У метода были отмечены и другие ограничения. Слова, находящиеся в пассивном запасе (стадии 2 и 3), информант при прямом опросе может не вспомнить. Так, один из наших респондентов 1953 года рождения, который проходил опрос три года подряд, в 2021 г. вспомнил слово *боркан* 'морковь' (стадия 2), а в 2022 и 2023 не вспомнил (стадия 3–4). Кроме того, при прямом вопросе может быть получена стандартная лексема, а в спонтанной речи может использоваться диалектная.

Отдельную проблему представляют исчезнувшие лексемы (4 стадия). Для фиксации факта исчезновения лексемы требуется получить от информанта четкий отрицательный ответ. При ведении с информантом разговора «на заданную тему» такой ответ часто получить не представляется возможным, особенно сложно получить подобный отрицательный материал при работе с информантами старшего возраста.

³ Часть этих проблем обсуждается в [Аванесов и др. 1957].

Для анализа лексем и их значений по шкале витальности предлагается визуализация на диаграмме размаха (рис. 2, раздел 3). Стоит отметить, что для применения этого метода предварительно были выбраны только те лексемы, данные по которым были собраны минимум от трех информантов. Диаграмма размаха позволяет сопоставить лексемы по межквартильному размаху, что может служить основанием для предположения о сохранении одних лексем и об исчезновении из диалекта других. Различная длина прямых линий («усов») свидетельствует об асимметричном распределении. Графики в настоящей работе были построены с помощью библиотеки *seaborn* [Waskom 2021], данные представлены в виде «троек»: лексема — информант — оценка по шкале витальности. Данные о корреляции возраста и образования информантов с местом на шкале витальности были организованы в таблицы. Для анализа этих параметров была применена порядковая смешанная модель логистической регрессии.

Иллюстративный материал, содержащийся в работе, получен либо из корпуса говоров дд. Шетнево и Макеево [Ронько и др. 2021–2023], либо из полевых материалов авторов. На данном этапе объем корпуса составляет 95 335 токенов или 117 831 токенов, включая речь интервьюеров.

2. Лексический состав говора в свете данных Диалектологического атласа русского языка

В этом разделе мы сравниваем данные двух разных временных срезов и учитываем все лексемы, которые присутствуют в активном или пассивном запасе (на любой из выделенных стадий) хотя бы у одного информанта. Для удобства изложения мы будем называть такой подход к оценке сохранности общим, а исследование степени сохранности слов у разных информантов — детальным. В табл. 1 представлен список лексем программы, встреченных нами в изучаемом говоре, и сведения об их представленности в окружающих деревнях во время опроса по программе в 1952–1953 гг. согласно БД ДАРЯ. В левом столбце представлены лексемы, которые были зафиксированы в говоре, в правом столбце — соседние деревни, в которых эти лексемы были зафиксированы во время обследования 1952–1953 гг. Деревни обозначены первыми буквами своих названий⁴.

Таблица 1

Диалектные лексемы из Программы и данные ДАРЯ

Лексема, обнаруженная в говоре в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>уса́дьба</i> ‘место под посадку картошки’	С, Т, О, П
<i>ри́га</i> ‘постройка для сушки снопов’	С, Т, О
<i>лю́лька</i> ‘колыбель’	С, Т, О, П
<i>жбано́к</i> ‘посуда для молока’	С, Т, О, П
<i>ко́вшик</i> ‘ковш’	С, Т, О, П
<i>кулéи</i> ‘каша из муки’	С, Т, О, П
<i>пра́йник</i> ‘орудие для выколачивания белья при стирке’	С, Т, О, П
<i>испо́дки</i> ‘вязанные, кожаные или матерчатые рукавицы с одним пальцем’	С, Т, О, П

⁴ С — Семёновское, Т — Тарасиха, О — Осташково, П — Поляки.

Лексема, обнаруженная в говоре в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>прівязь</i> ‘цеп’	С, Т, П
<i>держалье, держанье</i> ‘ручка цепа’	Т, П
<i>біло</i> ‘бьющая часть цепа’	О
<i>рёмь</i> ‘приспособление, соединяющее ручку и бьющую часть цепа’	Т, О, П
<i>косовьё</i> ‘деревянная ручка косы’	С, Т, О, П
<i>палец</i> ‘небольшая деревянная рукоятка на косовище’	Т, О, П
<i>орать</i> ‘пахать’	С, Т, О, П
<i>бороновать</i> ‘бороновать’	С, Т, О
<i>зэлень</i> ‘всходы зерновых культур’	С, Т, О, П
<i>жнивьё</i> ‘сжатое поле’	С, Т, П
<i>бабка</i> ‘малая укладка снопов зерновых культур’	С, Т, О, П
<i>одонье, одонок</i> ‘большая укладка снопов’	С, Т, О, П
<i>жито</i> ‘ячмень’	С, Т, О, П
<i>позём</i> ‘навоз’	С, Т, О, П
<i>толока</i> ‘коллективная помощь в работе’	С, Т, О, П
<i>тягают</i> (коллокация <i>лён тягать</i>) ‘глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён’	С, Т, О, П
<i>боркан</i> ‘морковь’	С, Т, О, П
<i>бурак</i> ‘свёкла’	С, П
<i>гороховина</i> ‘стебли гороха и огурцов’	С, Т, О, П
<i>петун</i> ‘петух’	О
<i>берёжая</i> ‘беременная лошадь’	П
<i>суяная</i> ‘беременная овца’	С, Т, О, П
<i>сикахи</i> ‘муравьи’	С, Т, О, П
<i>нива</i> ‘поле’	С, Т, О, П
<i>лядина</i> ‘лес в болотистом месте’	С, Т, О
названия ягод с суф. <i>-иц(а)</i>	С, Т, О, П
<i>посидёлки</i> ‘вечерние собрания молодёжи (в помещении)’	С, Т, О, П
<i>играть</i> ‘петь’	С, Т, О, П
<i>плакать</i> ⁵ ‘причитать над покойником’	С, Т, О, П
<i>дуже</i> ‘очень’	С, Т, О, П

Необходимо отметить, что лексем *берёжая*, *бурак*, *жнивьё*, *держанье*, *прівязь* не были обнаружены в деревне Осташково в 1952 г. Учитывая то обстоятельство, что эта деревня принадлежала к кусту исследуемых нами деревень, можно предположить, что эта лексема там существовала, но не была отмечена исследователями. Таким образом, наши сведения дополняют данные, представленные в диалектологическом атласе.

⁵ Обнаружено в сочетании *плакать голосом*.

В табл. 2 представлены лексемы, которые предположительно не существуют ни в активном, ни в пассивном запасе у наших информантов, они не узнали эти лексемы при прямом вопросе. В левом столбце даны лексемы, которые авторам не удалось зафиксировать в современных говорах, но которые были записаны в 1952–1953 гг., в правом столбце — сведения из БД ДАРЯ.

Таблица 2

Лексемы, не сохранившиеся в говоре, и их наличие в соседних деревнях по данным БД ДАРЯ

Лексема, отсутствующая в исследуемом кусте деревень в 2021–2023 гг.	Деревни, в которых была зафиксирована лексема в 1952–1953 гг.
<i>рёя</i> ‘постройка для сушки снопов’	П
<i>вязянки</i> ‘вязаные рукавицы с одним пальцем’	П
<i>битёц, бітец</i> ‘бьющая часть цепа’	Т, П
<i>вязо́к</i> ‘небольшая деревянная рукоятка на косовище’	С
<i>жнивó</i> ‘сжатое поле’	О
<i>ржіще</i> ‘сжатое поле после ржаных культур’	С, Т, П
<i>сожерёбая, сжерёбая</i> ‘беременная лошадь’	С, Т
<i>мост</i> ‘пол’	С, Т, О, П

В данном списке представлен вариант лексемы *жнивó*. В исследуемом говоре удалось зафиксировать только вариант *жнивёё*. Вероятно, вариант *жнивó* утратился под влиянием говоров окружающих деревень.

3. Синхронный анализ сохранности диалектных лексем

После анализа «общей сохранности» лексики переходим к синхронному анализу лексем у разных информантов. На рис. 2 показаны диалектные лексемы, данные по которым собраны более чем у трех информантов. О способе построения графика см. в разделе 1. По оси X отмечена степень витальности по шкале, где 1 — встречается в спонтанной речи, а 4 — не существует в идиолекте носителя, а по оси Y отмечены сами лексемы. Толстыми линиями показан разброс между степенью сохранности у разных носителей (см. рис. 2, с. 35).

На рисунке лексемы упорядочены снизу вверх по уровню сохранности: от наименее сохранной до самой устойчивой. Несмотря на то, что данный метод не позволяет выделить строгих границ между группами лексем, мы объединяем лексемы на основе значения медианы и интерквартильного размаха.

Лексемы первой группы фиксируются в повседневной речи информантов при разговоре с ними на определенную тему. Ср.: *Ни поесть, ни одеться. Ничего. Одельсь. Лён тягáли. Молотили, трепали, пряли и вот ткали вот это. Холщёвое, и шили платье. Носили.* (mga1932)⁶

К таким лексемам относятся *ка́дка* (с формой *каду́шка*), *лю́лька*, *мура́вка*, *сика́хи*, *суяная*, *тяга́ть* в сочетании с лексемой *лён*, подзывные *бась-бась* (с формой *бася-бася*) и названия ягод с суффиксом *-иц(а)* (*земляни́ца*, *черни́ца*, *брусни́ца*). На рис. 2 обнаруживается отсутствие разброса в данных, что может свидетельствовать о сохранении лексемы в активном запасе у информантов.

⁶ Буквенный код информанта.

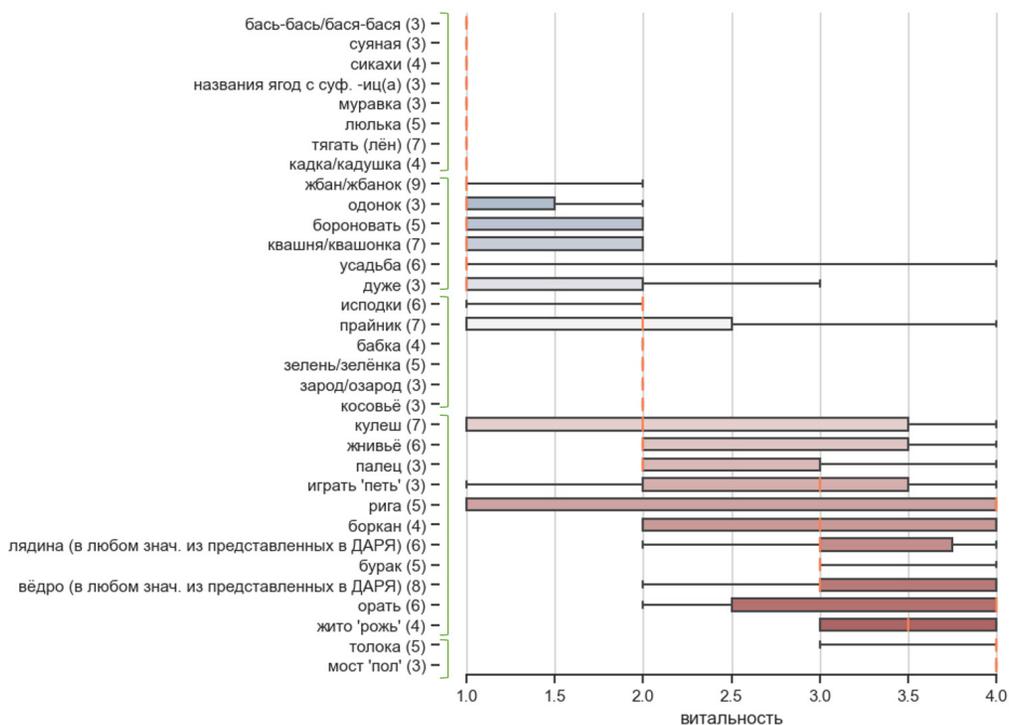

Рис. 2. Сохранность лексем программы ДАРЯ в исследуемом говоре

Вторая группа лексем реже наблюдается в повседневной речи информантов. Эта группа менее однородна: наблюдается вариативность в ответах диалектоносителей, однако большинство из них знает лексемы и употребляет их в разговоре, о чем свидетельствует значение медианы, равное единице. К данной группе относятся лексемы *жбанок*, *одонок*, *бороновать*, *квашня* (и форма *квашонка*), *усядьба* и *дуже*. Размах для большинства лексем достигает максимум 2 по шкале витальности. Одним исключением является лексема *усядьба*, для которой отмечается спонтанное употребление пятью информантами, только шестой информант сообщил, что не знает такой лексемы. Ко второму исключению относится *дуже*. Два информанта (1932 и 1950 годов рождения) употребляли эту лексему в речи, одна информантка 1977 года рождения только вспомнила лексему (что отмечалось как 3 по шкале витальности).

Третья группа лексем почти не встречается в повседневной речи, но при описании информанты называют слово. В группу входят *исподки*, *прайник*, *бабка*, *косовьё*, *зарод* (и форма *озарод*), *зелень* (и форма *зелёнка*). Лексемы, кроме *исподки* и *прайник*, не встретились в речи информантов, но информанты употребляли их при ответе на вопрос интервьюеров. Лексему *исподки* в речи употребила информантка 1939 года рождения, у более молодых информантов такого обнаружено не было. Вариативность по шкале витальности есть также у лексемы *прайник*: трое информантов (anv1941, lnt1950, gir1953) употребляют в речи, pam1957 и nfx1970 при ответе на вопрос, zns1939 узнает, а sxx1974 не знает.

Четвертая группа лексем имеет наибольшую вариативность. Эта группа характеризуется тем, что в ее состав входят лексемы, имеющие от 2 до 4 уникальных оценок по шкале витальности, при этом их среднее значение по этой шкале больше двух. Таким образом, приведенные лексемы имеют неустойчивый статус сохранности в рамках рассматриваемого говора. В этой группе наблюдается наибольшая «рассогласованность» между

информантами: например, arb1940 и anv1941 вспоминают лексику *riġa* при ответе на вопрос интервьюера, Int1950, ġip1953, nfx1970 отмечают, что не знают такой лексики. В эту группу также входят *кулѐш*, *жнивьѐ*, *играть* ‘петь’, *палец*, *боркан*, *лядина*, *бурак*, *ведро*, *орать*, *жито* ‘рожь’.

В последнюю пятую группу входят лексемы, которые большинством информантов не опознаются. К таким лексемам относятся *толока* ‘коллективная помощь в работе’ (только один информант вспомнил слово и его значение при назывании) и *мост* ‘пол’.

Подобный анализ показывает, что изученная диалектная лексика уходит не сразу, а медленно, переходя от более устойчивого состояния (от более высокого места на шкале витальности) к менее устойчивому. Однако нельзя заключить, что уровень вымирания лексем сопряжен с тематическими группами. Так, к четвертой группе лексем (близкие к вымиранию) относятся и лексика природы (*лядина*, *ведро*), и сельскохозяйственная лексика (*рига*, *боркан*, *бурак*), и лексика, относящаяся к деревенским обычаям (*играть* в значении ‘петь’). Лексемы из этих тематических групп встречаются и в наиболее сохранной группе лексем: лексика природы (*сикахи*, словообразовательные модели названий ягод с суф. *-иц(а)*), сельскохозяйственная лексика (*тягать* ‘глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён’).

Следующим шагом детального анализа сохранности диалектной лексики является сравнение сохранности лексем в зависимости от социолингвистических параметров. В рамках такого анализа мы привели данные к следующему формату: в строке указывается лексема, возраст информанта, пол, образование и место проживания, а также степень витальности лексемы у рассматриваемого информанта. Аналогично тому, как это было сделано в предыдущей части анализа, мы рассматриваем только лексемы, на которые получено три и более ответов. Образование в данных представлено как шкала, где 0 — образование до 4-х классов, 1 — неполное среднее, 2 — полное среднее, а 3 — среднее профессиональное образование. При предварительной обработке данных к столбцам возраста и уровня образования было применено шкалирование, при котором из каждого значения вычиталось среднее значение выборки и результат вычитания был разделен на стандартное отклонение выборки.

Для анализа имеющихся данных мы используем порядковую смешанную модель логистической регрессии. Эта модель позволяет установить связь между предикторами (в данном случае, возраст, пол, образование, место проживания информанта) и зависимой переменной (витальность лексемы). Мы используем смешанную модель, так как наблюдения не независимы: в таблице 3 представлены ответы от информантов по нескольким лексемам, в связи с этим мы группируем данные по лексемам, и, таким образом, у нас получаются группы лексем, для которых есть данные от группы информантов: например, для лексемы X в табл. 3 содержатся наблюдения от информантов А, В и С. Использование порядковой регрессии обусловлено тем, что витальность представлена в виде шкалы от 1 до 4.

В ходе экспериментов мы обнаружили, что модель, в которой в качестве предикторов выступают возраст и образование, лучше всего описывает наши данные. В табл. 3 представлены значения коэффициентов для такой модели, стандартное отклонение, значение z-test и p-value. Z-test используется в связи с тем, что распределение, которое представлено в данных, отличается от нормального.

Таблица 3

Порядковая смешанная модель логистической регрессии,
предсказывающая уровень витальности лексемы

Предиктор	Коэффициент	Стандартное отклонение	Z-value	P-value
Возраст	-0,5418	0,2024	-2,677	0,00743
Образование	-0,4172	0,2030	-2,055	0,03983

Так как p -value для каждого теста имеет значение меньше 0,05, мы можем говорить о влиянии исследуемых параметров на витальность лексемы. В ходе анализа также рассматривалась внутрикласовая корреляция (Intraclass Correlation Coefficient — ICC) — насколько сильно оценки витальности похожи среди разных информантов в рамках одной лексемы. Мы использовали нескорректированное значение ICC, чтобы учитывать возможное систематическое отклонение каких-либо информантов от остальной группы, оно составило 0,623, полученные результаты дополняют диаграмму размаха. Внутри класса мы обнаруживаем умеренную согласованность (основываясь на шкале, представленной в [Koo, Li 2016]) между информантами, хотя сами лексемы по степени витальности отличаются друг от друга.

Полученные коэффициенты свидетельствуют об обратно пропорциональной зависимости, то есть 1) чем старше информант, тем выше уровень витальности изучаемой лексемы (у более пожилых информантов лучше сохраняются лексемы, они склонны употреблять их в нарративе); 2) чем ниже уровень образования, тем выше уровень витальности изучаемой лексемы.

Некоторые факторы, которые, скорее всего, имеют важное значение для сохранения лексики, не могут предсказываться данной моделью. Так, в нашей выборке есть пара информантов 1977 и 1953 годов рождения с пересечением большого количества лексем. Эти информанты приходятся друг другу дочерью и матерью. Другая пара информантов 1950 и 1957 годов рождения приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой (более дальнее родство), степень пересечения искомым лексем и их уровня сохранности в этой паре значительно ниже. Параметр родственных связей, очевидно, важен для оценки сохранности. Однако для данной работы материалов для глубокого осмысления этого параметра мало. Другой важный параметр, который сложно учесть подобной моделью, — мобильность. Возможно, именно история мобильности каждого информанта (история его перемещений в разные населенные пункты) является отражением зависимости витальности лексем от возраста.

Заключение

Наша работа представляет собой опыт исследования традиционной лексики говора дд. Шетнево, Макеево, Щелкино и Степаньково спустя 70 лет после сбора сведений для Диалектологического атласа русского языка в этом районе. Исследование дополняет материал ДАРЯ и позволяет закрыть некоторые пробелы в старых данных. Также нами проведено социолингвистическое исследование, позволяющее судить о сохранности исследуемых лексем. Разные лексемы находятся на разных стадиях сохранности, утрате подвергаются не только лексемы, обозначающие ушедшие реалии, но и лексемы, обозначающие реалии вполне живые (например, *мост* 'пол'). При этом процесс утраты происходит медленно, большая часть исследованных лексем до сих пор сохраняется в говоре, хоть и на разных стадиях витальности. Начиная с 1930-х гг. расхожим является утверждение об исчезновении диалектной лексики под влиянием литературного языка [Аванесов 1949: 193; Касаткин (ред.) 2012: 247; Филин 1936: 205]. Однако, судя по всему, процесс перехода лексем от более «живой» стадии к их утрате происходит исключительно медленно.

Наше исследование можно рассматривать с двух сторон: во-первых, как программу, позволяющую в перспективе оценить сохранность русских говоров на всей территории говоров первичного формирования (территории ДАРЯ). Процедуры и методы, примененные на материале изучаемого говора, вполне повторимы и переносимы на другие русские диалектные системы. Во-вторых, эта статья является попыткой осмыслить пути исчезновения, замещения или наоборот сохранения архаической лексики. Изменение лексического строя определяется комплексом факторов, некоторые из них наш подход позволяет анализировать. Другие же остаются представленными только на уровне наблюдений. Кроме

стандартных социолингвистических переменных (возраст, пол, уровень образования), вероятно, важны тонкие факторы, отражающие структуру сообщества и связи людей внутри него. Некоторые из этих факторов формализуются сложно. Так, например, для определения мобильности информанта может быть важна не только история мест его проживания, но и частота регулярных поездок за пределы населенного пункта, в котором он живет. Внутри сообщества люди связаны между собой разными типами отношений, определяющими уровень совместного времяпрепровождения: родство, дружба и др. Формализация подобных параметров представляет существенные трудности. Создание модели, осознающей подобные тонкости, представляется нам одной из задач диалектологии и социолингвистики.

Именно такая сложность может являться причиной медленной скорости изменений лексического строя. Возраст и уровень образования как фактор изменений был осмыслен и в социолингвистике, и в русской диалектологии, хотя и только на уровне наблюдений, еще в первой половине XX в., однако этого явно недостаточно. Представленная шкала витальности лексем, статистическое осмысление стандартных социолингвистических переменных и анализ сохранности каждой отдельной лексемы являются шагом на пути создания работающей модели изменения лексического строя идиома.

Приложение

Лексика, собранная по Программе ДАРЯ в кусте деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково

Материал в приложении иллюстрируется примерами из корпуса. Корпусные примеры даются только для тех лексем, которые отличают исследуемый говор от литературного языка и встречаются в потоке речи (первая стадия сохранности). Если словоформы лексем записаны не в И. п. ед. ч. или не в инфинитиве, то за ними следует указание грамматической формы.

В материале содержатся некоторые отличия от материалов, представленных в Псковском областном словаре [ПОС]. Так, *сика́хами* называются не все муравьи, а красные муравьи рода *Myrmica* (предположительно): все информанты, употребляющие это слово, отмечали их цвет и способность больно кусаться, респондент pam1957 показал таких в своем дворе. Слово *пуняшка* не содержит уничижительного оттенка.

Жилище и приусадебное пространство

Амба́р ‘постройка для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена’

Изба́, изо́бка ‘крестьянский дом’

Значение слова *паха́ть* как в стандартном языке

Ни́ва ‘поле’

Са́рай ‘постройка, не примыкающая к дому, для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена, синоним *амба́ра*’

Уса́дьба ‘место под посадку картошки, ср.: *Вот покупают эти избы, переезжают и живут. Ну чего — уса́дбу запащут картошкой, всё на свете.* zns1939

Черда́к как в стандартном языке

Помещение для содержания скота и другие хозяйственные постройки

Пуня́шка ‘постройка для хранения зерна, половы, снопов, соломы, сена, находится во дворе’; gir1957 — пассивный запас. Ответ на прямой вопрос.

Рі́га ‘постройка для сушки снопов’, ср.: *А это рі́ги. На них вон кладут копны, и там они сохнут.* anv1941.

Хлѐв ‘постройка для скота, не примыкающая к дому: мелкого и крупного’

Домашняя утварь

Жбанóк ‘посуда для молока’, ср.: arb1940: *С гнилы делали чашки, жбанкі́. Да, ещё у меня где-то там в этом, чулане два жбанóчка есть.* Интервьюер: *Ну а жбанóчки это что?* arb1940: *Ну с глины сделанные моло= ну такие по два литра этого, молоко раньше же, всё равно банок так не было, вот это жбанкі́, бывало, молоко цедили.* arb1940 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Квашня́, квашо́нка ‘Посуда для смешивания теста’, ср.: *Такие бочки специально сделаны. «Квашня́» называлось.* arb1940 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Кулѐш ‘каша из муки’, ср.: *Чугуны по полтора ведра задвигала и оттуда вытягивала, когда сварится, и каждый день так поросят кормить, надо было варить кулѐш. Кулѐш называется.* gip1953

Лю́лька ‘колыбель’, ср.: *Лю́лька была сделана, такая корзинка была.* gip1953

Мура́вка ‘глиняная посуда для молока’, ср.: *Даже грибы в маленькие бочечки были, даже грибы, мура́вки гнильные (глиняные) были, в мура́вках делали.* arb1940

Пра́йник ‘орудие для выколачивания белья при стирке’, ср.: *У бабки моей был... Пра́йник. Она было... Какая-то рубиха была. Вот она носки было свяжет, варежки и такая она... И катала на этой рубихе, чтобы эта шерсть сваливалась, и чтобы не было в варежках нигде дырочки. Когда вяжешь, всё равно она такая, видно.* gip1953; *Ну это были раньше такие как деревянные. Называли пра́йник его или как его называли. Такие рубцы были внутри. Вот илѐпали по этому белью.* gip1953

Сковоро́дник как в стандартном языке

Ухва́т как в стандартном языке

Сельскохозяйственная лексика

Ба́бка, ‘малая укладка снопов зерновых культур’

Бі́ло ‘бьющая часть цепа’

Борка́ны ‘морковь’

Боронова́ть ‘разрыхлять землю бороной’

Буракі́ ‘свёкла’

Горо́ховина ‘названия стеблей гороха и огурцов’, ср.: *Вот это горо́ховина и называется.* anv1941 (на момент написания статьи в корпусе ошибка: вместо *гороховина* — *горох*)

Держа́лье, держа́нье ‘ручка цепа’

Жѐрдь ‘скрепляют укладку снопов на возу’

Жнивѝ́ ‘общее название сжатого поля’

Зѐлень, зелѐнка ‘название всходов озимой ржи’

Картóшка ‘картофель’

Копна́ ‘малая укладка снопов зерновых культур’

Косовѝ́ ‘деревянная ручка косы’; лексема зафиксирована почти у всех информантов в ответах на вопрос «Какие части есть у косы?» или «Как называется деревянная часть косы?»

Одо́нок ‘большая укладка снопов’, ср.: *Я недометаю одо́нок.* lnt1950 (на момент написания статьи в корпусе: вместо *одонок* — *адонок*); lnt1950: *бывало воды вот так, ходим. Тяга́ем сено, вытягиваем этот полог. И все пологи выкашивались так, как вот дорога. Простор был! Мы один год накосили, двадцать пять одо́нков стояло у нас. Своей*

семьёй только. Интервьюер: *чего двадцать пять?* Int1950: *Двадцать пять одóнок, вот раньше, как сейчас, вот такие вот во. Да. Ну сами? сами косили. Ставили одóнок специально, а подойдёт лето, этот одóнок, сколько мне положено. Нет ли больше сколько мне положено, в колхоз отвези, подай.*

Озарóд ‘Большие укладки снопов зерновых культур’. В диалоге с интервьюером: *А бывало такое, что копнище в одной так поставили жердь, ну копнище вот на эту жердь установили?* anv1941: *Да это, это озарóд, озарóд.* interviewers: *Как, ещё раз?* anv1941: *Озарóд.*

Пáлец ‘название небольшой деревянной рукоятки на косовище’. В пассивном запасе у информантов Int1950 и pam1957.

Позём ‘навоз’; anv1941: *Удобрением, удобрение возят, возили.* Интервьюер: *Химическое?* anv1941: *Да. Свой, свой позём!*

Прівязь ‘цеп’, ср.: *Молотили рожь, молотили... Прівязем, привязем.* arb1940

Притяг ‘жердь, скрепляющая сено и снопы’. В пассивном запасе у информанта gir1953

Ржáнище ‘название сжатого поля после различных зерновых культур’

Сно́п ‘пучок срезанных колосьев, перевязанных связлом’

Тяга́ть лён ‘глагол, использующийся для описания ручного способа убирать лён’, ср.: *Лён тяга́ли.* mga1932

Лексика, связанная с животными

Блэет, бляет (3SG) ‘глагол, передающий звук, который издает овца’

Бодёт (3SG) ‘глагол, описывающий агрессивное движение коровы’

Бась-бась, ба́ся-ба́ся, ба́ше-ба́ше ‘подзывные слова для овец’

Бось-бось ‘подзывные слова для коров и лошадей’

Берёжая ‘беременная лошадь’

Ква́кают ‘глагол, передающий звук, который издаёт лягушка’

Лаёт ‘глагол, передающий звук, который издаёт собака’

Пету́н ‘петух’. В пассивном запасе у информанта pam1957

Ржёт (3SG) ‘глагол, передающий звук, который издаёт лошадь’

Ревёт (3SG) ‘глагол, передающий звук, который издаёт корова’

Суя́нная, суя́жная ‘беременная овца’

Сика́хи ‘название красных муравьёв’, ср.: *А, муравьи, муравьи чёрные и красные, да. Сика́хи.* anv1941; anv1941: *Муравей такой как сика́ха.* Интервьюер: *А он чёрный сика́ха или красный?* anv1941: *да, да, это сика́хи здесь красные такие*

Тэга-тэга ‘подзывные слова для гусей’

Цы́па-цы́па ‘подзывные слова для куриц’

Лексика природы

Брусни́ца ‘брусника’, ср.: *И брусни́цы, всякие, всякие, всякие* arb1940

Земляни́ца ‘земляника’, ср.: *И в клюкву ходили, в малину, в земляни́цы.* zns1939

Черни́ца ‘черника’, ср.: *Ну всё делали, всё. Варенье варили с черни́цей, а с клюквой я не варила.* arb1940

Лексика, связанная с одеждой

Испóдки ‘вязаные, кожаные или матерчатые рукавицы с одним пальцем’; zns1939: *Чтоб варежки каждый раз не надевали — испóдки, и всё.* Интервьюер: *Испóдки из ткани тоже, или из шерсти?* zns1939: *да, и из шерсти, испóдки эти.*

Кафтáн, куфа́йка ‘верхняя мужская одежда’

Лáтка ‘заплата’, ср.: *лáтку поставить* gip1953 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствие в корпусе)

Обычаи

Игра́ть ‘петь’, ср.: *Я говорю: «Ну что, Тань. Спросила, где твой баран?». Она было ему и песни странные игра́ет ему. И я говорю: «Как ты ему, так и он тебе».* mga1932; *песни матерные игра́ет.* mga1932

Пла́кать ‘причитать над покойником’, ср.: *Голосом пла́чет* gip1953 (на момент написания статьи расшифровка записи отсутствует в корпусе)

Посиде́лки ‘название вечерних собраний молодежи (в помещении)’, ср.: *Бывало, с бабушкой ходили на посиде́лки, ходили вечером в деревню.* gip1953; *Раньше ж это всё к старости собирались вот так вечерами, пряли, вязали. Посиде́лки назывались были.* gip1953

Толока́ ‘коллективная помощь в сельской работе’

Наречия

Ду́же ‘очень’, ср.: *вечеру ду́же (дождь) пошел* Int1950; *Нет. Знали. Конечно, не ду́же. Тухонько. А потом запретили. Не стали.* mga1932

Лексика, отличающая говор от литературного языка, за рамками программы ДАРЯ

Омиа́рник, мо́х ‘болотистая местность, где обычно собирают ягоды’, ср.: *Вот так. А что, вот сыпали как, в ягоды идем бывало вот это, (в) мох.* gip1953

Пляме́нница ‘племянница’, ср.: *Западной, пляме́нница говорила: у них такой был дождь, ужас, говорит, ветер, вот не ду́же как позавчера, а у нас, я говорю, не было.* mga1932

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БД ДАРЯ — Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбржицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. *База данных диалектологического атласа русского языка*. Электронный ресурс: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения 29.04.2024). [Marchenko I. A., Dolgov O. N., Azanova A. S., Zambrzhitskaya M. S., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Mochul'skii D. I., Tseitina E. I., Chistyakova D. G., Ron'ko R. V. *Baza dannyykh dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Database of the Dialectological Atlas of the Russian Language]. Electronic resource: <https://da.ruslang.ru/> (accessed 29.04.2024).]

Ронько и др. 2021–2023 — Ронько Р. В., Азанова А. С., Бутенко З. А., Замбржицкая М. С., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Волошина Е. Ю. *Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022*. М.: НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2021–2023. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения 30.11.2023). [Ron'ko R. V., Azanova A. S., Butenko Z. A., Zambrzhitskaya M. S., Marchenko I. A., Mochul'skii D. I., Tseitina E. I., Voloshina E. Yu. *Korpus dereven' Shetnevo i Makeevo 2022* [Corpus of Shetnevo and Makeevo villages 2022]. Moscow: HSE Univ.; Vinogradov Russian Language Institute, 2021–2023. Electronic resource: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (accessed 30.11.2023).]

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Наука, 1967–2017. [Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. Nos. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Nauka, 1967–2017.]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. *Очерки русской диалектологии*. М.: Учпедгиз, 1949. [Avanesov R. I. *Ocherki russkoi dialektologii* [Essays on Russian dialectology]. Moscow: Uchpedgiz, 1949.]
- Аванесов и др. 1957 — Аванесов Р. И., Орлова В. Г., Мораховская О. Н., Строганова Т. Г., Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., Жуковская Л. П., Сологуб А. И. *Методические указания к «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка»*. М.: Изд-во АН СССР, 1957. [Avanesov R. I., Orlova V. G., Morakhovskaya O. N., Stroganova T. G., Bromley S. V., Bulatova L. N., Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V., Zhukovskaya L. P., Sologub A. I. *Metodicheskie ukazaniya k «Programme sobiraniya svedenii dlya sostavleniya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka»* [Methodological guidelines for the “Program of collecting data for compiling the Dialectological atlas of the Russian language”]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1957.]
- Аванесов (ред.) 1947 — Аванесов Р. И. (ред.). *Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. [Avanesov R. I. (ed.) *Programma sobiraniya svedenij dlya sostavleniya dialektologicheskogo atlasa russkogo jazyka* [Program of collecting data for compiling the Dialectological atlas of the Russian language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1947.]
- Букринская и др. 2011 — Букринская И. А., Кармакова О. Е., Колесникова Е. В. Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области. *Русский язык в научном освещении*, 2011, 1(21): 280–282. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E., Kolesnikova E. V. A field trip to Belozersk and the Belozersky district of the Vologda Oblast. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2011, 1(21): 280–282.]
- Букринская, Кармакова 2012 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Экспедиция в Тульскую область. *Русский язык в научном освещении*, 2012, 1(23): 282–286. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. A field trip to the Tula Oblast. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, 1(23): 282–286.]
- Букринская, Кармакова 2017 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Ареальный портрет муромских говоров. *Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН*, 2017, 12: 221–239. [Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. Areal description of Murom dialects. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2017, 12: 221–239.]
- Букринская, Кармакова 2018 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Экспедиция в Гороховецкий район Владимирской области. *Русский язык в научном освещении*, 2018, 2(36): 313–324. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Dialectological expedition to Gorokhovec district, Vladimir region. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 2(36): 313–324.]
- Букринская, Кармакова 2021 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект). *Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН*, 2021, 2: 191–205. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. On the functioning of dialect lexics in Western Russian dialects. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2021, 2: 191–205.]
- Букринская, Кармакова 2022 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Говоры на восток от Новгорода. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022*. Мызников С. А. (отв. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022, 47–65. [Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. The varieties to the east of Novgorod. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2022*. Muzynikov S. A. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2022, 47–65.]
- ДАРЯ, I — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. I: *Фонетика. Карты*. М.: Наука, 1986. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 1: *Fonetika. Karty* [Phonetics. Maps]. Moscow: Nauka, 1986.]
- ДАРЯ, II — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. II: *Морфология. Карты*. М.: Наука, 1989. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 2: *Morfologiya. Karty* [Morphology. Maps]. Moscow: Nauka, 1989.]
- ДАРЯ, III — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. III: *Лексика. Карты*. М.: Наука, 1997. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas

- of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 3: *Leksika. Karty* [Vocabulary. Maps]. Moscow: Nauka, 1997.]
- ДАРЯ, IV — Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*. Вып. IV: *Синтаксис и лексика. Карты*. М.: Наука, 2004. [Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectal atlas of Russian. Center of the European part of the USSR]. No. 4: *Sintaksis i leksika. Karty* [Syntax and vocabulary. Maps]. Moscow: Nauka, 2004.]
- Дьяченко и др. 2014 — Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2(28): 263–281. [Dyachenko S. V., Bukrinskaya I. A., Isaev I. I., Karmakova O. E., Ter-Avanesova A. V. Expedition to the village of Rogovatoye (Staryj Oskol district, Byelgorod region). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2(28): 263–281.]
- Дьяченко и др. 2015 — Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Отчет о диалектологических экспедициях. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 2(30): 217–250. [Dyachenko S. V., Bukrinskaya I. A., Isaev I. I., Karmakova O. E., Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Reports on dialectological expeditions of the Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 2(30): 217–250.]
- Заливина 2023 — Заливина Е. А. Вариативность окончаний глаголов в форме 3-го лица настоящего времени в говоре вокруг города Опочки (Псковская область, Опочечский район). *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1(45): 180–201. [Zalivina E. A. The variability of verb endings in the 3rd person present form in the variety around the town of Opochka (Pskov Oblast, Opochetsky District). *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1(45): 180–201.]
- Захарова, Орлова 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. *Диалектное членение русского языка*. М.: Просвещение, 1970. [Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]
- Касаткин (ред.) 2012 — Касаткин Л. Л. (ред.). *Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений*. М.: АСТ-ИПЕСС, 2012. [Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Russian dialectology: Textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow: AST-PRESS, 2012.]
- Орлова (ред.) 1960 — Орлова В. Г. (отв. ред.). *Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Orlova V. G. (ed.). *Posobie-instruktsiya dlya podgotovki i sostavleniya regional'nykh slovarei russkogo yazyka* [Tutorial for the preparation and compilation of regional dictionaries of the Russian language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1960.]
- Пшеничнова 2008 — Пшеничнова Н. Н. *Лингвистическая география*. М.: Азбуковник, 2008. [Pshenichnova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya* [Linguistic geography]. Moscow: Azbukovnik, 2008.]
- Ронько и др. 2023 — Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И. Псковский говор деревень Шетнево, Makeevo, Шелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы. *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1(45): 216–262. [Ron'ko R. V., Azanova A. S., Anisimov A. D., Voitovich E. E., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochul'skiy D. I. The dialect of the villages of Shetnevo, Makeevo, Sh'elkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinsky district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1(45): 216–262.]
- Филин 1936 — Филин Ф. П. *Исследование о лексике русских говоров: по материалам сельскохозяйственной терминологии*. М.; Л.: АН СССР, 1936. [Filin F. P. *Issledovanie o leksike russkikh govorov: po materialam sel'skokhozyaystvennoy terminologii* [Research on the vocabulary of Russian dialects: Based on the materials of agricultural terminology]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1936.]
- Daniel et al. 2019 — Daniel M., von Waldenfels R., Ter-Avanesova A., Kazakova P., Schurov I., Gerasimenko E., Ignatenko D., Makhlina E., Tsfasman M., Verhees S., Vinyar A., Zhigul'skaja V., Ovsjanikova M., Say S., Dobrushina N. Dialect loss in the Russian North: Modeling change across variables. *Language Variation and Change*, 2019, 31(3): 353–376.
- Koo, Li 2016 — Koo T. K., Li M. Y. A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research. *Journal of Chiropractic Medicine*, 2016, 15(2): 155–163. <https://doi.org/10.1016/j.jcm.2016.02.012>.

- Labov 1963 — Labov W. The social motivation of a sound change. *Word*, 1963, 19(3): 273–309.
- Labov 1965 — Labov W. On the mechanism of linguistic change. *Georgetown Monographs on Language and Linguistics*, 1965, 18: 91–114.
- Labov 2011 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 3: *Cognitive and cultural factors*. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2011.
- Marchenko 2023 — Marchenko I. A. Building a classification of Russian Dialects using multidimensional scaling. Bachelor thesis. Moscow: HSE Univ., 2023.
- Moroz 2017 — Moroz G. *Lingtypology: Easy mapping for Linguistic Typology*. 2017. Electronic resource: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>.
- Trudgill 1986 — Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Waskom 2021 — Waskom M. L. Seaborn: Statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*, 2021, 6(60): 3021.

Получено / received 13.12.2023

Принято / accepted 21.05.2024